Религиоведение. 2021. № 2. С. 28–43.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 2. P. 28–43.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.2.28-43

[1]Забияко А.А., [2]Зиненко Я.В.

[1,2] Амурский государственный университет
[1,2] 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
[1] sciencia@yandex.ru
[2] yasya11111@mail.ru

А.А. Забияко

Я.В. Зиненко

«По Забайкалью и Амуру» А.П. Фарафонтова как источник исследования народного православия на территории дальневосточного фронтира начала XX века

Аннотация. В статье представлены результаты исследования фольклорных материалов, собранных А.П. Фарафонтовым и отражающих народную православную культуру населения Забайкалья и Приамурья начала XX в. А.П. Фарафонтов (1889, Троицкосавск – 1958, Сан-Франциско) – русский энтузиаст-подвижник: этнограф, натуралист, таксидермист, литератор; член РГО, ОИМК; эмигрант. Во время экспедиции 1916 г. из Харбина в забайкальский курорт Шиванда А.П. Фарафонтовым были записаны и опубликованы в научном журнале «Вестник Азии» (1922 г., Харбин) фольклорные тексты (приметы, заговоры, былички, бывальщины, сказы, загадки) с концептуальным предисловием П.В. Шкуркина. Особый интерес для исследователей представляет первая часть сборника – «Среди русского народа». Его ценность – в фиксации локальной этнорелигиозной традиции русского населения дальневосточного фронтира, основанной на народном православии с включением элементов религиозных культов местных народов (бурят, китайцев, нанайцев, удэгейцев и др.). Фольклорные материалы, собранные А.П. Фарафонтовым, являются ценным источником изучения религиозных представлений русского населения начала XX в., сформированного в процессе поступательных миграций из центральной России и Забайкалья в Приамурье и проживающего в тесных этнокультурных контактах с местным населением. Эти материалы расширяют систему знаний о народных верованиях и практиках, укоренившихся в массовом сознании, представляют интерес для дальнейших религиоведческих, источниковедческих, этнографических, фольклористических, исторических исследований. Фольклорно-этнографическая деятельность А.П. Фарафонтова вписывает его творчество в более широкий контекст изучения научной и художественной этнографии Дальнего Востока и Маньчжурии первой половины XX в., позволяя установить типологические связи творчества российских и дальневосточных учёных.

Ключевые слова: этнография, русские, буряты, гольды, гураны, Приамурье, дальневосточный фронтир, эмигрантская публицистика, народное православие, троеверие, нечистая сила, пандемониум, поверья, приметы

[1]Anna A. Zabiyako, [2]Yana V. Zinenko

[1,2] Amur State University
[1,2] 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia
[1] sciencia@yandex.ru
[2] yasya11111@mail.ru

“Across Transbaikalia and the Amur” by A.P. Farafontov as a Source of Study of Folk Orthodoxy on the Territory of the Far Eastern Frontier of the Early Twentieth Century

Abstract. The article presents the results of the study of materials collected by A.P. Farafontov and reflecting the folk Orthodox culture of the Russian population of Transbaikalia and the Amur region of the early 20th century. A.P. Farafontov (1889, Troitskosavsk – 1958, San Francisco) is a Russian emigrant enthusiast: ethnographer, naturalist, taxidermist, writer; member of the Russian Geographical Society, The Society for the Study of the Manchurian Region. The collected data (signs, charms, life stories, past occurrences, tales,

riddles) were written down by A.P. Farafontov during an expedition from Harbin to the Trans-Baikal resort of Shivanda (1916) and published in the Harbin scientific journal "Monitor of Asia" with a conceptual foreword by P.V. Shkurkin. The first part of the collection – "Among the Russian people" – is of particular interest to researchers. Its value is in fixing the local ethno-religious tradition of the Russian population of the Far Eastern frontier (Transbaikalia and the Amur region), based on folk Orthodoxy with the inclusion of elements of religious cults of local peoples (Buryats, Chinese, Nanais, Udege, etc.). Folklore texts collected by A.P. Farafontov are a valuable source of study of the religious beliefs of the Russian population of the early 20th century, formed in the process of progressive migrations from central Russia and Transbaikalia to the Amur region, and living in close ethnocultural contacts with the local population; expand the system of knowledge about folk beliefs and practices, rooted in the mass consciousness of the Russian population of the Amur region, are of interest for further source, religion, ethnographic, folkloristic, and historical studies. Folklore and ethnographic activity of A.P. Farafontov inserts his work into a broader context of studying the academic and literary ethnography of the Far East and Manchuria in the first half of the 20th century, making it possible to establish typological connections between the works of Russian and Far Eastern scholars.

Key words: ethnography, Amur region, Far Eastern frontier, Russians, Buryats, Golds, Gurans, emigrant journalism, folk Orthodoxy, triple faith, evil spirits, pandemonium, beliefs, omens

---

Вторая половина XIX в. стала в России временем интенсивных этнографических и фольклористических разысканий. Труды А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, И.Е. Забелина, В.Ф. Миллера, О.Ф. Миллера, А.А. Потебни, А.Н. Пыпина, Н.Ф. Сумцова в этот период развивают отечественную гуманитарную науку в мифологическом, историческом, психологическом направлении, благодаря чему несколько последующих десятилетий интенсивнейшим образом ведутся исследования, связанные с изучением «славянских древностей и религиозных сторон русской народной культуры» [Забияко, 2006а, 860]. Вполне закономерно внимание учёных начала XX в. сосредотачивается на «народных верованиях», «суевериях», «суеверных обрядах», приметах, заговорах и т.д. [Максимов, 1903; Ончуков, 1909; Бурцев, 1910; Зеленин, 1916, Рыбников, 1910]. Исследователи приступают к жанровому изучению фольклорных текстов, собранных в разных уголках России, ведут теоретические дискуссии о дефинициях видовых образований устного народного творчества, формируют основные принципы систематизации, фиксации и обработки фольклорных и этнографических материалов.

Интерес к фольклору русского народа в эти годы теснейшим образом связан с теоретическими обоснованиями этнического своеобразия и религиозного сознания в целом: труды второй половины XIX – начала XX в. по истории религий, индоевропейским религиям, религиям Китая и Индии, исламу, архаическим верованиям народов Сибири и Дальнего Востока (В.Г. Богораз-Тана, В.П. Васильева, Ф.Ф. Зелинского, А.М. Золотарёва, С.М. Широкогорова, Л.Я. Штернберга, Ф.И. Щербатского и др.) образуют внушительный раздел отечественного гуманитарного знания [Забияко, 2006, 860]. Концепция «генеалогических особенностей происхождения каждого народа» [Надеждин, 1847, 159] находит действенное воплощение в интенсивном освоении и осмыслении невероятно богатого этнокультурного и этнорелигиозного потенциала Дальнего Востока и примыкающих к нему территорий. В 1884 г. во Владивостоке основывается Общество изучения Амурского края (ОИАК), в уставе которого обозначены задачи всестороннего изучения бассейна р. Амура, русского побережья Восточного океана и сопредельных местностей, собирания разных сведений по всем отраслям естествознания, географии, этнографии и археологии и научной разработки собранных материалов» [Устав, 1888, 1]. Членами общества становятся Ф.Ф. Буссе, Д. Крапоткин, И.А. Лопатин, К.Д. Логиновский, Л.И. Шренк, В.К. Арсеньев и др. В 1899 г. состоялось открытие Восточного Института (Владивосток), в методологическую основу преподавания в нём ложится, выражаясь словами А.Н. Пыпина, идея «этнографического прагматизма» Н.И. Надеждина. Выпускниками этого славного заведения весьма скоро станут П.В. Шкуркин (1903), И.Г. Баранов, А.П. Хионин и др. [Хисамутдинов, 2009].

Именно в таком научном контексте формируется научная картина мира уроженца забайкальского городка Александра Павловича Фарафонтова (14 (15) мая 1889 г., Троицкосавск – 1958 г., Сан-Франциско). Фарафонтов родился в большой разночинной семье; отец его был учителем, мать – домохозяйкой [Фарафонтов, 2001].

Получив образование в Троицкосавском Алексеевском реальном училище, юноша отправляется из Забайкалья, к тому времени активно изучаемого этнографами и фольклористами [Кашин, 1860; Кроль, 1894; Кроль, 1896; Буссе, 1897; Логиновский, 1903; Васильев, 1916–1918], во Владивосток. Там Александр продолжает обучение в Восточном Институте [Франкьен, 2015, 132]. Насколько полным был курс и на каком отделении он учился – сказать трудно. Судя по направлению этнографических интересов и собранным фольклорным материалам учёного, это вполне могло быть монголо-бурятское отделение.

В 1913 г. Александр Павлович с родителями переезжает в Маньчжурию. Семья разрастается, и, чтобы прокормить домочадцев, он очень много работает: в 1913–1916 гг. учителем и заведующим железно-дорожным училищем на станции Бухэду КВЖД; в мае–августе 1917 г. – инородческим начальником на Амуре; в 1917–1918 гг. – опять в Бухэду; в 1919 г. – заведующий училищем на станции Аньда; в 1919–1920 гг. – инспектором рыболовства учебно-наглядных пособий при Первом Высшем начальном училище КВЖД (в марте 1924 г. был уволен советской администрацией как человек без гражданства) [Франкьен, 2015, 133]. Богатый список исполняемых должностей свидетельствует: А.П. Фарафонтов проявлял компетентность на разных поприщах – образовательном, административном, инспекционном, и был сведущ во многих сферах – железнодорожной, этнографической, природоохранной…

В Северной Маньчжурии жизнь в эти годы кипит, благодаря подвижнической деятельности российских учёных здесь полномерным образом разворачиваются этнографические, востоковедческие, географические, натуралистические изыскания. Уже середине 10-х гг. XX в. по итогам своих более чем десятилетних исследований публикует знаменитую книгу «В горах и лесах Маньчжурии» (1914, 1915 гг., С-Пб.) Н.А. Байков. Скрупулёзно собирает фольклорные материалы в Южной и Северной Маньчжурии, поступательно их издавая, П.В. Шкуркин [Забияко, Чжоу, 2019, 135–142]. На приграничных территориях Сахаляна и округа Хэйхэ осуществляют свою экспедицию С.М. и Е.П. Широкогоровы (1915–1917), собирая антропологические, этнографические, лингвистические и фольклорные материалы среди эвенков, маньчжуров, дауров, китайцев [Сирина, 2018, 64–85]. Оказавшись после окончания Восточного института в 1913 г. на территории Северной Маньчжурии, бывший забайкалец А.П. Фарафонтов погружается в соприродную ему атмосферу научных штудий.

В 1915 г. в Харбине выходит его первый сборник – «Легенды Азии» [Фарафонтов, 1915], включающий девять легенд – бурятских, монгольских, русских, маньчжурских, китайских: «Легенда о происхождении Тарабагана» (*записано в Забайкалье, в районе посёлка Чиндант 2-й*), «Три брата» (*из записной книжки г. Ф.А.*), «Стрела» (*из записной книжки г. Ф.А.*), «Озеро Бальджима» (*записано в Забайкалье, в районе посёлка Чиндант 2*), «Легенда о происхождении русских» (*записано в г. Троицкосавске, Забайкальской обл.*), «Легенда о происхождении чая» (*записано в г. Мукдене*), «Гора Шапка на реке Амуре» («*Сибирский Архив*»), «Адуген и Владимир» («*Сибирский Архив*»), «Ян-гуй-цза» (*без указ. источника*). В этнографическом направлении А.П. Фарафонтов изначально сочетает практику полевых и архивных штудий, отдавая дань их литературной обработке (что весьма характерно для исследователей той поры, наследующих линию А.Н. Афанасьева) [Афанасьев, 1914а; Афанасьев, 1914б; Афанасьев, 1916].

Материалами этой первой серьёзной публикации молодого учёного становятся его собственные записи, собранные ещё в забайкальской юности, полевые исследования, проведённые уже на территории Маньчжурии, и публикации дальневосточных полевиков-краеведов (журнал «Сибирский архив»). В частности, русская легенда о названии горы Шапка в Амурской области была записана и опубликована в своё время Е.В. Гонсовичем – консерватором Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского [Гонсович, 1913, 505–522], о чём мы узнаём благодаря сегодняшним разысканиям археологов [Забияко, 2020, 33–49]. Вероятно, именно текст Е.В. Гонсовича был положен в основу его литературной обработки А.П. Фарафонтовым, который и сам позднее активно публиковался в «Сибирском архиве» в 1916 г. [Фарафонтов, 1922, 130]. В 1916 г. в ежедневной читинской газете

«Забайкальская новь» А.П. Фарафонтов издаст легенды, собранные им тогда же в Забайкалье как у «инородческого», так и у русского населения. Например, «Легенду о происхождении верблюда» [Фарафонтов, 1916а, 4], «Легенду-сказку о Гысыр-Богдохане» [Фарафонтов, 1916б, 4], «Легенду о трёх богатырях» [Фарафонтов, 1916в, 8] и др. В том же году, по мнению А.А. Хисамутдинова, А.П. Фарафонтов прослушал несколько лекций В.К. Арсеньева в ОРО, впоследствии состоял с ним в переписке.

Вплоть до закрытия границ с Советской Россией (1920) пытливый энтузиаст постоянно курсирует между Маньчжурией и Владивостоком. Кроме того, он совершает научные экспедиции в Приамурье, Забайкалье, на Камчатку (1919 г.).

Разные источники по-разному определяют ведущее направление научных и творческих пристрастий А.П. Фарафонтова – как литературное [Константинов, http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=3279], этнографическое, естественно-научное – наравне с этнографией и фольклором он активно занимался орнитологией и таксидермией [Франкьен, 2015, 132–137]. Фарафонтов был членом Императорского русского географического общества (ИРГО) и Читинского отделения Общества русских ориенталистов. Вскорости он перебирается в Харбин и с 1923 г. избирается в Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК); публикуется в газетах «Даурский край», «Забайкальская новь», журнале «Сибирский архив», является корреспондентом харбинского журнала «Рубеж», газеты «Слово» (1921–1935) (печатается под псевдонимами К. Джарджуйский, К. Чарджуйский). В Харбине создаёт фирму «Натуралист», в которую входят библиотека, книжный и писчебумажный магазин, там же продаваются изготовленные им чучела птиц. Кстати, коллекция птиц, препарированных Фарафонтовым, находится сегодня в Зоологическом институте РАН.

Любопытнейший факт – два года он проработал орнитологом в Четвёртой Азиатской экспедиции профессора Штецнера из Германии (Дрезденский музей этнографии и зоологии). Известно, что Вальтер Штецнер занимался исследованием Маньчжурии в разнообразных направлениях – в частности, именно благодаря интервью с немецким учёным в харбинском «Рубеже» (1933) были опубликованы уникальные сведения о традиционной жизни маньчжурских солонов (тунгусо-маньчжурской группы народов, ныне практически утративших свою идентичность) – «Дикари под боком у Харбина» [Забияко, 2014а, 192–202]. Можно предположить, что во время участия в экспедиции были востребованы не только орнитологические, но и этнографические познания А.П. Фарафонтова.

Позднее, в анкете Бюро по делам Российских Эмигрантов в Маньчжурской Империи (БРЭМ) 3 апреля 1934 г. Александр Павлович напишет: «В течение более десяти лет я работал в области животноводства, организации государственных и промысловых питомников диких животных (изюбрей, лисиц и проч.), организации парков и заповедников, а также хорошо знаком с вопросами охоты и рыболовства на Дальнем Востоке. В этих областях я смог бы принести известную пользу своими познаниями и своим опытом. В Трёхречье – при условии моего туда возвращения – в случае нужды я мог бы выполнить *то или иное поручение* Бюро» [ГАХК. Ф. 830, Оп. 3, Д. 49039 (БРЭМ). Анкеты Фарафонтовых].

В основе данной публикации – исследование материалов, собранных А.П. Фарафонтовым в 1916 г., когда им была осуществлена экспедиция из Харбина до курорта «Шиванда» в Забайкалье, как раз накануне эпохальных не только политических – ментальных сдвигов в жизни амурчан и забайкальцев. Очевидно, бурные исторические процессы – революция, Гражданская война на Дальнем Востоке – помешали оперативной обработке собранных данных. Она затянется на целых 6 лет.

Всё же в 1922 г. в харбинском журнале «Вестник Азии», печатном органе Общества русских ориенталистов в Харбине, А.П. Фарафонтов опубликует работу «По Забайкалью и Амуру. Заговоры, загадки, приметы и поверья». Сборник состоял из 2 частей: «Среди русского населения» и «Среди бурят», что отразило не только этническую карту маршрута, по которому следовал Фарафонтов в 1916 г., но и свидетельствовало об этнографической равновесности интересов исследователя.

Отдельного внимания заслуживает то, что сборник выходит под редакцией и с предисловием П.В. Шкуркина – в эти годы уже не только картографа, демографа, этнографа Северной и Южной Маньчжурии, автора многочисленных пособий по изучению китайского разговорного языка, преподавателя китайского языка в Гирине, главного редактора «Вестника Азии», но и автора опубликованных материалов фольклорного и этнографического характера: *«Китайские рассказы и легенды» (Харбин, 1917), «Китайские легенды» (Харбин, 1921), «Легенды в китайской истории» (Харбин, 1922), «Тонкая ива: Китайская повесть для дам и идеальных мужчин» (Харбин, 1922),* создателя оригинального жанра «этнографических рассказов» («Игроки» и «Хунхузы»).

Предваряя редактируемую работу, Шкуркин подчеркнёт важность и своевременность этнографических и фольклористических разысканий «по медвежьим углам», имея в виду – дальневосточные территории (в словоупотреблении тех лет – «Сибирь»):

«При современном необычайно быстром поступательном движении общественной жизни, формы бытового и семейного уклада также быстро изменяются; являются новые понятия, новые требования; новые представления неудержимо просачиваются не только *в деревенскую крестьянскую среду, но и в толщу инородческой народной массы, даже в глухих местах Сибири.* Свет, знание, культура быстро завоёвывают себе более или менее твёрдые позиции.

Но, наряду с этим, также быстро вымирают *остатки старины*, забываются предания, сказки, заговоры и т.п.

А между тем, эти *осколки старины, дышащие иногда глубокой древностью,* являются *драгоценными для этнографа и для всякого, изучающего быт, язык, историю* и т.п. известного уголка нашего необъятного отечества. *В преданиях, сказках, поверьях и т.п. находятся иногда драгоценные указания или намёки на тот или другой исторический факт, забытый или неотмеченный официальной историей, на происхождение рода или племён от того или другого народного корня, на вкрапление в народную массу посторонних этнографических элементов, и т.д*.

Словом, все эти *брызги народного творчества являются материалом солидной научной ценности, но материалом, к сожалению, крайне неустойчивым*. Он гибнет с каждым днём. Многое забывается, многое нарочно изгоняется усердными, но малообразованными носителями казённой культуры, – и гибель для науки.

Вот почему так желательно, чтобы всюду, *особенно по медвежьим углам, записывались бы сказки, предания, легенды, заговоры, приметы, загадки, присказки, рассказы про нечистую силу и т.п.*

Предлагаем ниже заметки – труд А.П. Фарафонтова[1], который, путешествуя летом 1916 года по Забайкалью и Амуру, имел возможность записать предлагаемые ныне читателю эти *образцы «явного и сокровенного» народного творчества* и сохранить их, таким образом, от гибели» (Курсив наш. – *Авт.*).

Провиденциальны окажутся метафорические определения Павла Васильевича, данные фольклорным и религиоведческим материалам Фарафонтова – «остатки старины», «осколки старины», «брызги», «образцы “явного и сокровенного” народного творчества». Текст предисловия пишется в 1922 г., очень скоро бурный расцвет дальневосточной российской этнографии, дальневосточного религиоведения и востоковедения обернётся мрачным закатом, продлившимся ни много ни мало – почти 70 лет [Забияко, 2014б, 270–290]. Это в отрезанном от метрополии Харбине русские этнографы и востоковеды получат шанс ещё на протяжении четверти века продолжать начатое в первые десятилетия XX в. На территории советского Дальнего Востока этнографические и религиоведческие изыскания весьма скоро сойдут на нет – страна приступит к строительству нового общества, где «религиозным предрассудкам» и «националистическим мелкобуржуазным обычаям» не было запланировано места.

Полвека назад Н.И. Надеждин призывал: «Слово “устное”, язык “живой”, в своём “всенародном”, или скажу ещё точнее – “простонародном” употреблении: вот собственно дело этнографии: вот законная, беспрекословная область её лингвистических работ: ибо тут только, чрез цепь веков, чрез ряды всякого рода перево-

ротов сберегается если не вся, то по крайней мере в главных чертах, первоначальная, самообразная жизнь и особность народов, что именно и есть их “народность”» [Надеждин, 1847]. Однако даже в первые десятилетия нового столетия российская этнография только начала вырабатывать свои специфические принципы фиксации и паспортизации полевого материала, а фольклористика апробировала основные методы и направления исследования в рамках мифологической школы, психологического направления, теории заимствования, антропологической и исторической школы.

П.В. Шкуркин обращает внимание именно на этот важный аспект записей Фарафонтова:

«Ценность их, без сомнения, увеличивается тем, что *автор точно указывает, где и от кого он слышал тот или другой рассказ, или заговор.*

Не претендуя на полноту и системность сообщаемых данных, автор хотел бы видеть в них лишь сырой материал, который, быть может, когда-нибудь понадобится и серьёзному научному работнику» [Фарафонтов, 1922, 120]. Данная реплика коллеги по цеху подчёркнет весьма существенный наукометрический маркер труда Фарафонтова, зафиксировавшего территориальный, этносоциальный, этнорелигиозный портрет своих информантов 1916 г.

Большинство исследователей-фольклористов и этнографов той поры в научных разысканиях не придерживались какого-то одного направления, как правило, сочетая методы и приёмы различных научных школ, при этом допуская и присущие им издержки (стилистические правки собранных текстов, их унификацию, невнимание к личности информанта и т.д.) [Васкул, 2009]. К примеру, сам П.В. Шкуркин, публикуя свои «Китайские легенды» в 1921 г., не указывает ни место, ни имён информантов, ни полноценных источников, откуда легенды могли быть заимствованы и переведены, кроме того – он во многом «русифицирует» эти тексты, придавая им жанровую стилистику русской фольклорной прозы. Вероятно, в своих изысканиях П.В. Шкуркин также ориентировался на методологию А.Н. Афанасьева. Данные факты весьма осложняют последующее источниковедческое и текстологическое изучение его собрания – но это тема отдельного разговора [Чжоу, 2019, 220–227].

В текстах, публикуемых А.П. Фарафонтовым, мы, к сожалению, также обнаруживаем следы стилистической правки и «выравнивания» устной диалектной речи забайкальцев и амурцев. Очевидно, что Фарафонтов пока ещё бредёт наощупь в своих попытках зафиксировать этнографический материал. Но, несмотря на определённые недостатки, в данном собрании, по меткому определению П.В. Шкуркина, мы можем найти «*драгоценные указания или намёки на тот или другой исторический факт, забытый или неотмеченный официальной историей, на происхождение рода или племён от того или другого народного корня, на вкрапление в народную массу посторонних этнографических элементов, и т.д.*» [Фарафонтов, 1922, 120] – реконструировать портрет представителей местного населения тех пунктов, где работал герой нашей публикации, пусть не «услышать» их голоса, но узнать имена, ощутить атмосферу этнокультурного и этнорелигиозного взаимодействия на территории дальневосточного фронтира в первые десятилетия XX в., сформировать представление об этнолокальных вариантах религиозных представлений русского населения.

Вспомним – русские начинают освоение современной территории Дальнего Востока России в середине XVII в. [Константинов, 2002, 248; Артемьев, 2008, 173–230, Забияко, 2008а, 214–224]. За исторически короткий срок (всего два с половиной столетия) сотни тысяч людей переселяются на новоприсоединённые земли. К 10-м годам XX в. русское население Амурской области составляет уже почти 200 тыс. человек [Шликевич, 1911, 10–11]. Этнический, этнокультурный опыт русских переселенцев был неоднородным. Большой миграционный поток шёл из Восточной Сибири и Забайкалья (участники первых сплавов на Амур 1854–1857 гг., последовавшие за ними казачьи семьи).

Бо̀льшая часть рассказов была собрана А.П. Фарафонтовым в Амурской области в станице Поярково (в настоящее время посёлок Поярково – *Авт.*), на хуторах Чесноковский (наст. вр. с. Чесноково – *Авт.*), Краснояровский (в наст. вр. п. Красный Яр), п. Завитая (в наст. вр. г. Завитинск – *Авт.*), остальное – в Забайка-

лье (Верхний Чирон). Согласно историческим данным, забайкальские посёлки был и образованы в середине XIX в. в основном переселенцами из Центральной России. В свою очередь, ст. Поярково и хут. Чесноковский Амурской области были заселены в конце XIX в. казаками-переселенцами с р. Аргуни Забайкальского края, а первыми переселенцами в п. Завитая были крестьяне из внутренних областей европейской России, Украины, Белоруссии и Сибири. Именно забайкальские казаки сформировали весьма жизнестойкий тип казачьего населения Амура, которое в тяжёлых условиях расчищало тайгу, ставило дома, распахивало целину, несло охранную службу [Забияко, 2008а, 214–224]. На приамурских землях эти разноплемённые и разновременные миграционные потоки соединились, и в тесном взаимодействии с местными и пришлыми со стороны Китая народами создали уникальный комплекс этнорелигиозных и этносоциальных представлений.

Существенный вклад в освоение Дальнего Востока внесла русская православная церковь, начиная с первых волн переселения в XVII в. С одной стороны, факт принадлежности к русскому православию был «бесспорным объединяющим началом и основой идентичности неоднородного в социальном и идейно-психологическом отношении этнического сознания переселенцев». Однако не последнюю роль в формировании религиозного сознания поселенцев играл и старообрядческий элемент. С самого начала православная религиозность в Даурских землях, как исстари называли Приамурье, «была отнюдь не однородной и поголовно благочестивой». [Забияко, 2008б, 70–79]. Опираясь на полевые исследования в приграничной полосе проживания амурского казачества, современные религиоведы с большой долей скепсиса характеризуют уровень набожности дореволюционного казачьего населения: «Респонденты-старожилы отмечают черты формального отношения казаков к вере. Так, например, Бакуменко Григорий Михайлович, старожил с. Петропавловки, вспоминал: “Казаки не шибко-то и жили в православной вере. Церковь находилась в Буссе. Ходили туда на крестины, да раз в полгода на праздник и всё…”. Сходным образом описывала религиозную жизнь казачества и старейший краевед Амурской области, жительница с. Албазино Агриппина Николаевна Дорохина. По её словам, албазинские казаки уклонялись от посещения церковных служб, считали хождение в церковь прежде всего женским занятием» [Забияко, 2008б, 70–79].

Формирование религиозных традиций русского населения, обживающего левобережье Амура, носило стихийный характер, в большей степени опираясь на народное православие – этнолокальный вариант универсального феномена народной религии. Народная религия – плоть от плоти представлений «низких» социальных слоёв [Забияко, 2006, 672]. Официальной, элитарной религиозности народная религия противопоставляет «низовое», ненормативное и непрофессиональное понимание религиозных канонов, справление религиозных культов.

Возникающие в подобном синкретическом «вареве» фольклорные тексты – заговоры, мифологические рассказы, народные приметы и т.д. – исторически делят первенство с традиционными священными текстами нормативной религии [Забияко, 2017, 121–122]. При этом в «разных русских землях народное русское православие получает своеобычные местные черты» [Забияко, 2002, 105]. Толкование многих образов и сюжетов в народном православии происходит по «самомышлению»: православные каноны переосмысляются на бытовом уровне, исконные славянские верования синкретизируются с православными, образуя троеверие [Забияко, 2002, 107]. Характерной чертой народной религии русского населения Приамурья было двоеверие, сочетающее народное понимание православия, унаследованные от предков славянские представления и усвоенные от новых соседей инокультурные верования и обычаи [Забияко, 2017, 121–182].

В нашем исследовании мы обращаемся к первой части материала Фарафонтова – «Среди русского населения», состоящей из 4 блоков: «Поверья и приметы», «Нечистая сила», «Заговоры», «Загадки» (последний весьма скромен по объёму, в нём всего 4 загадки). Информантами А.П. Фарафонтова стали казаки, учителя, крестьяне; русские, буряты, метисы (гураны). Нас более интересуют первые три блока, чьё содержание коррелирует с более поздними историческими, этнографическими,

фольклорными данными о ментальности и религиозных воззрениях *русских дальневосточного фронтира.*

Насколько можно судить по записям Фарафонтова, русское население Приамурья имело усвоенную в процессе миграций развёрнутую систему общерусских народных представлений о нечистой силе и дьявольщине [Забияко, 2004, 236–287], сопровождающей повседневную жизнь русского человека, а также об её излюбленных временных и пространственных локациях: «На Крещенье, когда закатится солнце, крестьяне обыкновенно на своих избах и на всех постройках на дворе ставят мелом или углём кресты, как защиту от разных покушений *нечистой силы*. Через ту дверь, на которой поставлен крест, *дьявольщина* проникнуть не может. Ставят кресты сначала снаружи помещений, а потом уже внутри их» [Фарафонтов, 1922, 124].

Легко установить типологию приамурских представлений о самом популярном низшем духе – домовом: «Для дома очень важно жить с *домовым* в ладу. Для того чтобы *домовой* не сердился, на ночь под печку ему ставят угощение – колобки из теста» (Сообщил учитель Шестаков из ст. Поярковой на Амуре); «*Домового* можно умилостивить и другим способом: поставить на ночь около коровника крынку молока и кусок хлеба (Хут. Чесноковский)» [Фарафонтов, 1922, 121].

Эти нарративы аналогичны бытующим в Забайкалье в начале XX в. [Логиновский, 1903, 4–6], их рудиментарным вариантам, собранным в настоящее время у метисированных потомков забайкальских казаков в Трёхречье [Забияко, 2017, 172–173], современным представлениям амурских казаков [Забияко, 2016, 22]. Общим для такого рода нарративов являются суждение о том, что *домовой* – хозяин дома, потому его надо задабривать, прикармливать и т.д. [Фарафонтов, 1922, 121].

Несмотря на то, что демонологических рассказов в собрании не очень много, собирателем были зафиксированы нарративы практически обо всех основных персонажах русского пандемониума – *домовом, банном, лешем, водяном, чёрте/чертёнке/чертовке*: «Не так ещё это было давно, я был подросточком. Был у нас один охотник, наш же казак, который всегда смеялся, когда ему говорили о нечистом. Ни во что не верил казак. Однажды он был на охоте с товарищем. Вечером расположились они в одном месте развели костёр, чаёк попивают, разговаривают. Уже стемнело, и нужно было спать. Вот товарищ охотника и говорит: “Смотри, брат, ты вот всё смеёшься над нечистым, а он возьмёт, да и пошутит над тобой. Я, брат, знаю случаи, когда человек ложится на одно место, а просыпается на другом…”. Смеётся охотник: “Смотри, как бы тебя не уволок *леший*, а за меня не бойся: не тронет”. Посмеялись и легли спать. Каково же было удивление охотников утром, когда они проснулись и увидали, что один из них, именно неверующий, лежал совсем на другом месте» (Пос. Красноярский) [Фарафонтов, 1922, 124].

Обращает на себя внимание тот факт, что в процессе миграций «нечистая сила», сопровождающая жизнь русского переселенца, несколько «запуталась» в своей идентичности. Для общерусских представлений о разного рода бесах характерна была определённая дифференция и персонификация *чёрта и* остальных бесов и полубесов [Забияко, 2004, 236–287]. В представлениях же русских Приамурья категория «чёрт» выступает как родовое название всей «нечистой силы, дьявольщины», а остальные представители пандемониума имеют видовое определение «специальных чертей» и по описанию очень часто подпадают под антропоморфный вариант образа *чёрта, чертяги, чертовки, чертёнка* – одним словом, *нечистого* («маленький, чёрненький, голенький», «что-то голое <…>, как будто ребёнок» – *банный*; «маленький, сивый, имел рожки и хвостик» – *водяной* и т.д.):

«Было это вблизи посёлка Красноярского. Один казак вернулся к вечеру с поля. Утром ещё он велел своим домашним истопить баню. Про эту баню ходил промеж народа слух, что в ней живёт *нечистый*. Баню истопили, и казак, когда совсем уже стемнело, и он управился по домашности, пошёл мыться. Мужик-то он был такой, который ничего не боялся: не верил он в нечисть. Как водится, пришедши в баню, разделся и пошёл смотреть колоду, горяча ли в ней вода; опустил в неё свою руку, – а у него там что-то голое забилось, как будто ребёнок. Бросился мужик обратно, схватил свечку, да к колоде. Смотреть – а там высунулся ребёнок и снова нырнул, и не стало его… Перепугался мужик, и давай Бог ноги из бани. Не стали

уже больше в ней мыться: кому охота с *нечистым* возиться? Вскорости, подумав, сожгли эту самую баню, чтобы не плодить *чертяги* у нас. Ну, теперь ничего, живём» (Хут. Красноярский) [Фарафонтов, 1922, 124].

«Лет 15 тому назад наши казаки ловили в Ононе, недалеко от посёлка Красноярского, рыбу. Закинули сети и вытащили… *чертёнка*. *Чертёнок* был маленький, сивый, имел рожки и хвостик. Он весь дрожал и пищал. От страха мужики столпились около него и не знали, что им делать.

И вдруг по реке пошли валы и из неё вынырнула старая *чертовка*, матка чертёнка. Стонет сама, машет не то руками, не то плавниками, как у летучей мыши, хочет достать своё отродье. Страх взял мужиков: выбросили они *чертяку*. Схватила его матка и нырнула в воду. Только их и видели. Сама-то *чертовка* толстая, такая же сивая, как и её отродье, вся волосами покрытая.

Когда *чертёнок* был у мужиков, то они нет-нет да и перекрестят *чертёнка*, а тот всё корчится: не любит нашего, значит, креста». (Рассказ казака, живущего в пос. Красноярском, который слышал всё от казаков, принимающих участие в рыбной ловле, о которой идёт речь – *прим. А.П. Фарафонтова*).

Вместе с переселенцами из западных районов России в русское Приамурье мигрировали общерусские приметы и нарративы о *колдунах* и *ведьмах*: «Если по дороге на охоту встретишь колдуна, – лучше вернись: не только охота будет неудачна, но и ружьё испортишь так, что после из него ничего не убьёшь (Хут. Чесноковский)» [Фарафонтов, 1922, 122].

Представление о том, что если душу ведьмы или колдуна не выпустить, то она обязательно вернётся назад и человек воскреснет, было зафиксировано ещё Далем [Даль, 2015, 117]. В Забайкалье начала XX в. было записано народное поверье о том, что «*душа колдуна принадлежит дьяволу. Поэтому, желая облегчить ему смерть, родственники приподнимают князёк над домом, где находится умирающий и тогда душа умирающего, якобы, вылетает под поднятый князёк, не замеченная ангелом»* [Логиновский, 1903, 31]. Ср. у Фарафонтова: «Когда умирает колдунья, то надо с крыши снять «князька», иначе колдунья будет долго мучится, и всё-таки не умрёт (Хут. Чесноковский)» [Фарафонтов, 1922, 122].

Данные современных полевых исследований религиоведов, собранные среди потомков амурских казаков, свидетельствуют о живучести данного суеверия в сознании русских поселенцев вплоть до 60-х гг. прошлого века: «*Бабка-то у меня ой, красивая была – казачка, да… Ведьма. <…> Ой, тяжело помирала, да… Чувствует – пора ей уже. Сына просит: разбери крышу-та! А он не слушает... Три дня просила, выла, да… А на третий день уже он не выдержал, плюнул… Полез, крышу разобрал. И как только дыра появилась: – Ох! Такой тяжёлый вздох он услышал прямо над дырой. И столб дыма. Он вниз – глядь, а мать уж померла*» [Воронова Валентина Георгиевна, 1935 г.р., прож. д. Дмитриевка, Амурской обл.; соб. Забияко В.А., г. Благовещенск, май, 2020; ЦИДВЭ].

В амурских материалах Фарафонтова мы находим сжатый нарратив о порче посредством «*надевания хомута*», бытующий в казачьей среде: «*Когда желают жестоко отомстить врагу-мужчине, то с помощью заговора “надевают хомут”. Хомут можно надеть на язык, отчего язык пухнет и причиняет большие страдания, а в особых случаях – и на половой орган, на котором образуется рубцеобразная опухоль* (вероятно, от разрыва стенки одной из каверн пещеристого тела. – *прим. А.П. Фарафонтова*), *что причиняет невероятные мучения. Надевают хомут не только взрослым, но и мальчикам (parafimos). Кроме того, “хомут надевают” и на лошадей. От этого лошадь начинает пухнуть, и даже бывали случаи, что лошади издыхали. Хомут надевается про помощи заговора. К сожалению, добыть этот заговор очень трудно, так как слова заговора составляют тайну “заговорщика”, и если эта тайна получит огласку, то заговорщику “не жить тут”. Против заговора существует и “отговор”. Записать его тоже не удалось* (Сообщ. учитель, казак Шестаков в ст. Поярковой на Амуре)» [Фарафонтов, 1922, 126].

В 1903 г. этнограф К.Д. Логиновский, собиравший материал в среде забайкальских казаков, писал: *«“Хомутец”, или “хомут” – самая страшная порча, которая известна в деревнях Восточной Сибири, Прибайкалья и Забайкалья. Она, согласс-*

но рассказам, обычно приводила к смерти. "Хомут" могли сделать не только на человека, но и на животных и даже хозяйственные предметы. Преимущественно всё же "хомут" надевали на половые органы мужчинам по злобе или "ради насмешки девок над парнями". Под "хомутом" понимается вообще сильная порча, сглаз» [Логиновский, 1903, 85]. В 1929 году В. Кормазов писал об этом суеверии в своём очерке о трёхреченских казаках-забайкальцах [Кормазов, 1929, 41]. Подобные представления до сих пор живы среди их метисированных потомков: «*Бабушка и мама говорили – раньше какой-то хомут надевали. Я же не видела, я слышала, люди говорят. Ребятишки бегают, играют, вдруг брюхо заболел<о>, пошли – твёрдо как кушак, вот тут (показывает в область паха – Авт.), пошли к бабушке, бабушка всё тут снимала, и не будет. Говорят, что правда, но я не видывала*» [Зап. от Маруси Дементьевой 果佩珍, Quo Peizhen, 1941 г.р. (урож. д. Караванная), д. Караванная, 2016 г., собиратели: А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, ЦИДВЭ АмГУ].

А.П. Забияко подчёркивает: забайкальские переселенцы были неплохо адаптированы к амурским природным условиям и хозяйственной деятельности [Забияко, 2008б, 70–79]. Об этом же свидетельствуют многие бытовые приметы и поверья, собранные Фарафонтовым, ориентированные на промысловую магию и ловлю рыбы в обильных амурских водах: «*Для населения, живущего по берегам реки, удачный лов рыбы играет, конечно, большое значение. Если рыбы плохо идёт на удочку, то этому можно помочь. Нужно подойти к рыболову и сказать: "Клёв на уду". Рыболов же на это должен ответить: "Спасибо". И рыба тотчас же станет клевать* (Зап. в хут. Чесноковском, на Амуре)»; «*Но, когда ты собираешься на рыбную ловлю, – отнюдь не бросай небрежно удочек на землю, а всегда ставь их стоя, прислонив их к чему-нибудь. Ибо, если через лежащую удочку перешагнёт женщина или девушка, – не быть добру: ничего не поймаешь* (Хут. Чесноковский)»; «*Если осенью перед замерзанием реки по воде идёт такая обильная шуга, что часть её остаётся на берегу, – то на будущий год будет хороший урожай»; «Если же шугу течением отнесло от берега, – быть худу: урожай будет плохой»; «Но если при этом вода зальёт берег, – то это хорошо: урожай будет хороший»* [Фарафонтов, 1922, 121].

Основы народного православия русских поселенцев Приамурья «выплавлялись» в мощном этнорелигиозном «котле». В ходе миграций русские верования синкретизировались с религиозными традициями местного населения [Забияко, 2008б, 70–79] – тунгусо-маньчжурских народов, дауров, бурят, якутов; в православную практику переселенцев постепенно вошли практики шаманизма, промысловой и лечебной магии [Забияко, 2009, 24]. Среди забайкальцев значительную группу составляли так называемые *гураны* – потомки смешанных русско-бурятских, русско-тунгусских браков [Забияко, 2008б, 70–79]. Некоторые приметы, зафиксированные А.П. Фарафонтовым, содержат региональные элементы и свидетельства этнорелигиозной синкретизации русских и бурятских представлений – это представления, связанные с универсальными оппозициями мужское/женское, а также с архаическими представлениями о хтонической женской природе.

Местный этнокультурный колорит представлениям о нечистой силе, бытующим в русской среде амурских жителей, придаёт нарратив о *нырке* – антропозоо-дендроморфном образе беса/чёрта, сформировавшемся уже на просторах амурской природы: «*В 1909–10 году на хуторе Куприяновском у одного казака на заимке произошёл следующий случай, который я до сих пор не могу объяснить.*

На заимке был барак, в котором ночью спали рабочие. Однажды рабочие легли спать. Многие уже заснули. Вдруг кто-то с одного из рабочих сорвал одеяло и бросил его в другой конец барака. Затем тоже повторилось с другим, третьем и т.д. Наконец, одеяла стали просто летать по бараку. Зажгли огонь. Всё и вся оказались на своих местах. Думали, что кто-нибудь подшутил. Спросили, но все отозвались полным незнанием. Потушили огонь. Началась та же история, но теперь уже кто-то сильно барабанил в двери барака. Зажгли огонь – и опять всё прекратилось. Тогда решили изловить того, кто шутит эти шутки. Потушили огонь и стали ждать. Через несколько времени стали раздаваться стуки в дверь, а затем начали летать по бараку одеяла, тужурки и пр. Повскакали рабочие и стали ловить одеяла; но каков же был их ужас, когда эти одеяла стали их лупить са-

мым определённым образом… Как сумасшедшие выскочили рабочие из барака и весь остаток ночи провели уже на свежем воздухе.

Утром хозяин заимки обратился к знахарю. Знахарь сказал: не иначе, как в бараке поселился нырок <…>

Стали искать и, действительно, под одной из балок нашли нырка.

По совету знахаря, очевидно, уже опытного в этих делах, разложили в стороне большой костёр и, когда костёр запылал большим пламенем, знахарь бросил нырка в самую середину пламени. Нырок тут сильно стал прыгать и корчиться, но всё же сгорел.

После этого рабочие в бараке спали уже спокойно.

Да, много у нас есть ещё необъяснимого, странного. Иногда, конечно, можно дать случаю то или другое объяснение, но бывают случаи, что совершенно теряешься в объяснениях, как вот и в только что приведённом случае (Рассказ учителя – амурского казака Шестакова)» [Фарафонтов, 1922, 125].

В Указателе мифологических персонажей русского населения Восточной Сибири [Мифологические рассказы, 1987] *нырок* не упоминается. При этом сюжет о проделках местного беса типологически соотносится с восточносибирским сюжетом о чёрте (156) [Мифологические рассказы, 1987, 106; 343]. Согласно комментарию Фарафонтова, «*нырок* – чёрная *коряжина*, плавающая по воде, формой своей напоминающая несколько *куклу*. Когда она плывёт в воде, то ныряет, отсюда и название – *“нырок”*» [Фарафонтов, 1922, 125]. Однако *нырок* (нырок Бэра) – это ещё и редкий вид уток, обитающий лишь в бассейне Амура, черновато-зелёного (самцы) и черновато-рыжего (самки) оперения [Бёме, 1994, 32]. Вероятно, своё название локально обретающийся на Амуре нечистый первоначально приобрёл благодаря коряжине, на которую, в свою очередь, были перенесены внешние и поведенческие характеристики водоплавающего пернатого первообраза. Помимо этого, возникновение загадочного водяного беса в представлениях русских приамурцев вполне может быть связано с анимизмом и промысловой магией местных народов – нанайцев (гольдов), практикующих изготовление антропоморфных деревянных идолов и верящих в то, что злой дух Огдзё, селящийся в заброшенных жилищах, может приносить ночующим там путникам множественные неприятности [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 218–219 (цит. по: Старцев, 2017, 27)].

Следующая примета иллюстрирует факты религиозного синкретизма, бытующего в среде местного населения: «*Люди “с двойной верой”* [*двойная вера: попадаются ещё старики – буряты, исповедующие открыто православие, а в тайне – ламаизм или шаманизм. – прим. А.П. Фарафонтова*] *сильно мучатся и долго борются со смертью: каждая вера тянет в свою сторону* (Ст. Пояркова)» [Фарафонтов, 1922, 122]. Данный текст одновременно характеризует и органику народного православия русских амурцев, отнюдь не считающих собственную веру в «специальных чертей» признаком отступления от «истинного православия».

Обратим внимание на жанровое своеобразие фольклорных материалов, собранных А.П. Фарафонтовым среди русского населения Забайкалья и Приамурья. В современной терминологии фольклористики – это *былички*, *бывальщины*, устные рассказы (*сказы*), *приметы, заговоры, загадки*. Так как собирание несказочной прозы было начато лишь в первые годы XX в., термины «быличка», «бывальщина», «сказ» ещё только входили в научный обиход, а их дефиниции будут выработаны значительно позднее. Потому А.П. Фарафонтов ещё не прибегает к жанровому делению своих мифологических «поверий» о нечистой силе. Заметно и то, что он уделяет большее внимание содержательной стороне, порою прибегая к пересказу устных текстов.

Несмотря на довольно скромные, на наш взгляд, успехи в литературном творчестве и зачастую любительский принцип оформления фольклорных текстов, в целом можно сказать, что Александр Павлович Фарафонтов представлял собой образец подвижника-универсала, призванного и взращённого российской гуманитарной наукой в эпоху замечательных географических открытий, активного становления биологии, этнографии, антропологии, фольклористики.

Данные материалы – не только ценный источник реконструкции народной православной традиции русского населения дальневосточного фронтира начала

XX в., сформированного в процессе поступательных миграций из центральной России и Забайкалья и проживающего в тесных этнокультурных контактах с местным населением. Ведь «в действительности именно народная религия формирует основное русло истории любой этнокультурной традиции» [Забияко, 2006б, 673]. В собрании Фарафонтова зафиксирована этнолокальная религиозная традиция русского населения далёких «медвежьих углов», Забайкалья и Приамурья, – как раз накануне революции, и в этом его особенная ценность.

Фольклорные и этнографические материалы А.П. Фарафонтова вписывают его творчество в более широкий контекст изучения научной и художественной этнографии Дальнего Востока и Маньчжурии первой половины XX в., позволяя установить типологические связи направления изысканий дальневосточных исследователей и их столичных коллег. Они представляют большой интерес для религиоведческих, источниковедческих, этнографических, фольклористических, исторических исследований.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ по теме «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)»; проект№ 20-012-00318

Acknowledgement

The paper is supported by a RFBR grant on the topic “Images of Russia and China in Literary Ethnography (Based on Materials from Russian and Chinese Literature, Journalism in Manchuria of the 20–40s of the 20th Century)”, project no. 20-012-00318

Список сокращений

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
ЦИДВЭ – Центр изучения дальневосточной эмиграции

Библиографический список

1. Артемьев, Р.А. Русские на Амуре в XVII веке / Р.А. Артемьев // История Амурской области с древнейших времён до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – С. 173–230.
2. Афанасьев, А.Н. Народные русские легенды / А.Н. Афанасьев. – Казань, 1914а. – Т. 1. Легенды, собранные А. Н. Афанасьевым / Под ред. И.П. Кочергина. – 230 с.
3. Афанасьев, А.Н. Народные русские легенды / А.Н. Афанасьев / Ред. и предисл. С К. Шамбинаго. – М., 1914б.
4. Афанасьев, А.Н. Народные русские легенды / А.Н. Афанасьев / Ред. и предисл. С. К. Шамбинаго. Изд. 3-е.– М., 1916.
5. Бёме, Р.Л. Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский, русский, английский, немецкий, французский / Р.Л. Бёме, В.Е. Флинт/ Под общ. ред. акад. В.Е. Соколова. – М.: Русский язык, РУССО, 1994. – С. 32.
6. Бурцев, А.Е. Полное собрание этнографических трудов А.Е. Бурцева / А.Е. Бурцев. – СПб., 1910. – Т. VI. Легенды русского народа. – 315 с.
7. Буссе, Ф.Ф. Забайкальское инородческое войско / Ф.Ф. Буссе. – М., 1897.
8. Васильев, А.П. Забайкальские казаки: (Ист. очерк) / А.П. Васильев. – Чита,1916–1918.
9. Васкул, А.И. История русской фольклористики второй половины XIX – начала XX в.: проблемы источниковедения: дис. … канд. филол. наук: 10.01.09 / А.И. Васкул; СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2009. – 376 с.
10. Гонсович, Е. Гора Шапка на р. Амуре / Е. Гонсович // Сибирский архив. – 1913. – № 12. – С. 505–522.
11. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 3, Д. 49039 (БРЭМ).
12. Даль, В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. / В.И. Даль. – М.: ЗАО «Издательский дом Аргументы недели», 2015. – 208 с.
13. Забияко, А.А. «Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции / А.А. Забияко // Религиоведение. – 2014а. – № 4. – С. 192–202.

14. Забияко, А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: эмигрантский и советский текст 20–40-х гг. XX в. / А.А. Забияко // Традиционная культура Востока Азии: к 10-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области: сб. ст. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014б. – С. 258–279.
15. Забияко, А.А. От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков / А.А. Забияко // Забияко А.А., Забияко А.П., Левошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира. Монография / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск, 2015. – С. 242–283.
16. Забияко, А.А. П.В. Шкуркин: биографический, историко-культурный, этносоциальный контекст становления учёного и писателя / А.А. Забияко, Чжоу Синьюй // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. XVI. – Вып. 4. – С. 135–142.
17. Забияко, А.А. Архивы эмигрантской публицистики. Жизнь русской православной общины на приграничных территориях Приамурья в 20–40-е гг. XX в. (по материалам эмигрантской публицистики) / А.А. Забияко, Я.В. Зиненко // Религиоведение. – 2020. – № 3. – С. 130–142.
18. Забияко, А.П. Религиоведение в России / А.П. Забияко // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2006а. – С. 859–861.
19. Забияко, А.П. Народная религия / А.П. Забияко // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2006б. – С. 672–673.
20. Забияко, А.П. Русские в условиях дальневосточного фронтира: этнический опыт XVII века / А.П. Забияко // История Амурской области с древнейших времён до начала XX века. – Благовещенск: Изд-во Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, 2008а. – С. 214–224.
21. Забияко, А.П. Особенности дальневосточной ментальности и теории интерпретации религиозных новообразований / А.П. Забияко // Современные контексты магии, религии и паранауки: моногр. / Сердюков Ю.М., Забияко А.П., Кобызов Р.А., Тюрина Ю.А., Лазарева И.В. – М.: Академия, 2008б. С. 70–115.
22. Забияко, А.П. Русские в условиях дальневосточного фронтира: этнический опыт XVII – начала XX вв. / А.П. Забияко // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – С. 9–35.
23. Забияко, А.П. Магия, демонология и видения в религиозной культуре русских Трёхречья / А.П. Забияко, А.А. Забияко // Религиоведение. – 2016. – № 4. – С. 96–111.
24. Забияко, А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности: монография / А.П. Забияко А.А. Забияко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 340 с.
25. Забияко, А.П. Ранний чжурчжэньский текст на скале реки Архары в контексте истории чжурчжэней в Приамурье / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13. / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. – С. 33–49.
26. Зеленин, Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Д. К. Зеленин. – М.: 1916. – 432 с.
27. Кашин, Н.И. Свадебные обычаи приаргунцев / Н.И. Кашин // Вестник РГО. СПб. – 1860. – Ч. XXX. – С. 147–182.
28. Константинов, М.В. Фарафонтов А.П. [Электронный ресурс] / М.В. Константинов. – URL: http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=3279 (дата обращения 14.11.2020).
29. Константинов, А.В. История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года) / А.В. Константинов, Н.Н. Константинова – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. – 248 с.
30. Кормазов, В.А. Трёхречье (Из путевых заметок) / В.А. Кормазов // Вестник Маньчжурии. – 1929. – № 5. – С.41.
31. Кроль, М.О. О забайкальских бурятах / М.О. Кроль. – Чита, 1896.
32. Кроль, М.О. Брачные обряды и обычаи у вост. бурят / М.О. Кроль – Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО, 1894.
33. Логиновский, К.Д. Материалы к этнографии Забайкальских казаков / К.Д. Логиновский // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО. – Владивосток, 1903.– Т. 9.– Вып. 1.– 135 с.
34. Максимов, С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С.В. Максимов. – С.-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 525 с.
35. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск: Наука, 1897. – 401 с.
36. Надеждин, Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. – Кн. 2. – 2-е изд. – СПб., 1847.

37. Ончуков, Н.Е. Северные сказки / Н.Е. Ончуков. – С.-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1909. – 636 с.
38. Пищикова, Т.В. Александр Павлович Фарафонтов: История поиска / Т.В. Пищикова // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Проблемы источниковедения и текстологии. Вып. 5 / Под. ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 41–69.
39. Рыбников, П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. / Рыбников П.Н. В 3-х тт. Т. 2 / Под ред. А.Е. Грузинского; предисл. ред. – 2-е изд. – М.: Изд. фирмы «Сотрудник школ», 1910. – 727 с.
40. Сирина, А.А. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых (1915–1917 гг.) / А.А. Сирина // Этнография. – 2018. – № 1. – С. 64–85.
41. Старцев, А.Ф. Культ хозяев природы у тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья и Приморья / А.Ф. Старцев // Религиоведение. – 2017. – № 3. – С. 25–31.
42. Фарафонтов, А.П. Легенды Азии / А.П. Фарафонтов – Харбин, 1915. – Вып. 3. – 27 с.
43. Фарафонтов, Ал. Легенда о происхождении верблюда/ Ал. Фарафонтов // Забайкальская новь. – Чита, 1916а. – № 2443. – С. 4.
44. Фарафонтов, Ал. Легенда-сказка о Гысыр-Богдохане / Ал. Фарафонтов// Забайкальская новь. – Чита, 1916б. – № 2492. – С. 4.
45. Фарафонтов, Ал. Легенда о трёх богатырях / Ал. Фарафонтов // Забайкальская новь. – Чита, 1916в. – № 2490. – С. 8.
46. Фарафонтов, А.П. Мои улыбки: Сборник рассказов и стихотворений. Вып. 5. – Харбин, 1917. – 40 с.
47. Фарафонтов, А.П. По Забайкалью и Амуру /А.П. Фарафонтов // Вестник Азии. – Харбин, 1922. – № 48. – С. 120–127.
48. Фарафонтов, А.П. По Забайкалью, Маньчжурии и США / Сост. Т.В. Пищикова. – Калуга: Издательство Н. Бачкаревой, 2001. – 172 с.
49. Франкьен, И. Александр Павлович Фарафонтов (1889–1958) – натуралист, писатель и общественный деятель русского зарубежья / И. Франкьен, Е.Э. Шергалин // Байкальский зоологический журнал. – 2015. –№ 1(16). – С. 132–137.
50. Хисамутдинов, А.А. О чём рассказали китайские львы: К истории Восточного института и Государственного дальневосточного университета / А.А. Хисамутдинов / Под ред. Г.П. Турмова. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2009. – 160 с.
51. Чжоу, Синьюй. Китайский фольклор в произведениях писателя-синолога П.В. Шкуркина / Чжоу Синьюй // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : материалы международной научной-практической конференции, посвящённой 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / Отв. ред. Ли Яньлин. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 220–227.
52. Шликевич, С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье / С.П. Шликевич. – СПб., 1911. – С. 10–11.

Текст поступил в редакцию 30.11.2020.
Принят к публикации 19.04.2021.
Опубликован 29.06.2021.

[1] Текст А.П. Фарафонтова цитируется с учётом современных норм орфографии и пунктуации.

References

1. Artem'ev R.A. *Istoriya Amurskoy oblasti s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [History of the Amur Region from ancient times to the beginning of the 20th century]. Blagoveshchensk, 2008, pp. 173–230 (in Russian).
2. Afanas'ev A.N. *Narodnye russkie legendy* [Folk Russian legends]. Kazan, 1914a (in Russian).
3. Afanas'ev A.N. *Narodnye russkie legendy* [Folk Russian legends]. Moscow, 1914б (in Russian).
4. Afanas'ev A.N. *Narodnye russkie legendy* [Folk Russian legends]. Moscow, 1916 (in Russian).
5. Beme R. L., Flint, V. E. *Pyatiyazychnyy slovar' nazvaniy zhivotnykh. Ptitsy. Latinskiy, russkiy, angliyskiy, nemetskiy, frantsuzskiy* [A five-language dictionary of animal names. Birds. Latin, Russian, English, German, French]. Moscow, 1994 (in Russian).
6. Burtsev A.E. *Polnoe sobranie etnograficheskikh trudov A.E. Burtseva. T. VI. Legendy russkogo naroda* [Complete collection of ethnographic works of A.E. Burtsev. Vol. VI. Legends of the Russian people]. St. Petersburg, 1994 (in Russian).
7. Busse F.F. *Zab. inorodcheskoe voysko* [Transbaikal foreign army]. Moscow, 1897 (in Russian).

8. Vasil'ev A.P. *Zabaykal'skie kazaki: (Ist. ocherk)* [Transbaikal Cossacks: (Historical essay)]. Chita, 1916–1918 (in Russian).
9. Vaskul A.I. *Istoriya russkoy fol'kloristiki vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: problemy istochnikovedeniya. Dis. kand. filol. nauk.* [History of Russian folklore studies in the second half of the XX – early XX century: problems of source study. Ph.D. Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2009 (in Russian).
10. Gonsovich E. *Sibirskiy arkhiv* [Siberian Archives]. 1913. no. 12. pp. 505–522.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archives of the Khabarovsk Territory]. Fund 830. Inventory 3. File 49039 (in Russian).
12. Dal' V.I. *O pover'yakh, sueveriyakh i predrassudkakh russkogo naroda* [About beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people]. Moscow, 2015 (in Russian).
13. Zabiyako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2014a, no. 4, pp. 192–202 (in Russian).
14. Zabiyako A.A. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii* [Traditional culture of East Asia]. 2014b, pp. 258–279 (in Russian).
15. Zabiyako A.A. *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: The Experience of Life Building in the Context of Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk, 2015, pp. 258–279 (in Russian).
16. Zabiyako A.A. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East]. 2019, vol. XVI, no. 4. pp. 135–142 (in Russian).
17. Zabiyako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2020, no. 3, pp. 130–142 (in Russian).
18. Zabiyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Moscow, 2006a, pp. 859–861 (in Russian).
19. Zabiyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Moscow, 2006b, pp. 672–673 (in Russian).
20. Zabiyako A.P. *Istoriya Amurskoy oblasti s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [History of the Amur Region from ancient times to the beginning of the 20th century]. Blagoveshchensk, 2008a, pp. 214–224 (in Russian).
21. Zabiyako A.P. *Sovremennye konteksty magii, religii i paranauki* [Contemporary contexts of magic, religion and parascience]. Moscow, 2008b (in Russian).
22. Zabiyako A.P. *Russkie i kitaytsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russians and Chinese: Ethnomigration Processes in the Far East]. Blagoveshchensk, 2009, p. 24 (in Russian).
23. Zabiyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2016, no. 4, pp. 96–111 (in Russian).
24. Zabiyako A.P. *Russkie Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russian Three Rivers: Foundations of Ethnic Identity]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2017, 350 p. (in Russian).
25. Zabiyako A.P. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh.* [Russia and China at the Far Eastern Borders]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2020, vol. 13, pp. 33–49 (in Russian).
26. Zelenin D. K. *Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Essays on Russian Mythology: Unnatural Deaths and Mermaids]. Moscow, 1916 (in Russian).
27. Kashin N. I. *Svadebnye obychai priarguntsev* [Wedding customs of the Argins]. St. Petersburg, 1860 (in Russian).
28. Konstantinov M.V. *Farafontov A.P.* [Farafontov A.P.]. Available at: URL: http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=3279 (accessed on November 14, 2020) (in Russian).
29. Konstantinov A.V. *Istoriya Zabaykal'ya (s drevneyshikh vremen do 1917 goda)* [The history of Zabaykal'ya (from ancient times to 1917)]. Chita, 2002, 248 p. (in Russian).
30. Kormazov V.A. *Vestnik Man'chzhurii* [Manchurian Herald]. Harbin, 1929, no. 5. p. 41 (in Russian).
31. Krol' M. O. *O zabaykal'skikh buryatakh* [About the Transbaikal Buryats]. Chita, 1896 (in Russian).
32. Krol' M. O. *Brachnye obryady i obychai u vost. buryat* [Marriage rituals and customs in the east. Buryat]. 1894 (in Russian).
33. Loginovskiy K.D. *Materialy k etnografii Zabaykal'skikh kazakov* [Materials for the ethnography of the Transbaikal Cossacks]. Vladivostok, 1903, 103 p. (in Russian).
34. Maksimov S.V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [nclean, unknown and cross power]. St. Petersburg, 1903 (in Russian).
35. *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia]. Novosibirsk, 1897 (in Russian).
36. Nadezhdin N. I. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1847 (in Russian).
37. Onchukov N.E. *Severnye skazki* [Nordic tales]. St. Petersburg, 1909 (in Russian).
38. Pishchikova T.V. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove* [Russian Harbin, engraved in the word]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2012, vol. 5, pp. 41–69 (in Russian).
39. Rybnikov P.N. *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym* [Songs collected by P.N. Rybnikov]. Moscow, 1910 (in Russian).
40. Sirina A.A. *Etnografiya* [Ethnography]. 2018, no. 1, pp. 64–85 (in Russian).
41. Startsev A.F. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2017, no. 3, pp. 25–31 (in Russian).
42. Farafontov A.P. *Legendy Azii* [Legends of Asia]. Harbin, 1915. no. 3. 27 p. (in Russian).
43. Farafontov Al. *Zabaykal'skaya nov'* [Zabaikalskaya nov]. Chita, 1916a. no. 2443. p. 4 (in Russian).
44. Farafontov Al. *Zabaykal'skaya nov'* [Zabaikalskaya nov]. Chita, 1916b. no. 2492. p. 4 (in Russian).
45. Farafontov Al. *Zabaykal'skaya nov'* [Zabaikalskaya nov]. Chita, 1916v. no. 2490. p. 8 (in Russian).
46. Farafontov A.P. *Moi ulybki* [My smiles]. Harbin, 1917. no. 3. 40 p. (in Russian).
47. Farafontov A.P. *Vestnik Azii* [Bulletin of Asia]. Harbin, 1922. no. 48, pp. 120–127 (in Russian).
48. Farafontov A.P. *Po Zabaykal'yu, Man'chzhurii i SSHA* [In Transbaikalia, Manchuria and the USA]. Kaluga, 2001 (in Russian).

49. Frank'en I. *Baykal'skiy zoologicheskiy zhurnal* [Baikal Zoological Journal]. 2015.no. 1(16), pp. 132–137 (in Russian).
50. Hisamutdinov A.A. *O chem rasskazali kitayskie l'vy: K istorii Vostochnogo instituta i Gosudarstvennogo dal'nevostochnogo universiteta* [What Chinese Lions Told About: On the History of the Oriental Institute and the State Far Eastern University]. Vladivostok: the Far Eastern State Technical University Publ., 2009, 160 p. (in Russian).
51. Chzhou Sin'yuy. *Lyubimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Favorite Harbin – the city of friendship between Russia and China]. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2019, pp. 220–227 (in Russian).
52. Shlikevich S.P. *Kolonizatsionnoe znachenie zemledeliya v Priamur'e* [Colonization significance of agriculture in the Amur region] St. Petersburg, 1911 (in Russian).

Submitted for publication: November 30, 2020.
Accepted for publication: April 19, 2021.
Published: June 29, 2021.